

Слави Екатерина

Обрученная с вороном 1

▲1. СОН-ВОСПОМИНАНИЕ

– Натаниэль! Натаниэль!

Девочка бежала, не глядя под ноги. Что ей камни да кочки, когда там, в конце тропинки, в дымке рассветного марева неподвижно застыла знакомая фигура? Платье из дорогих тканей в пол – такие носила только знать Четырех Кланов. Длинные черные волосы шелком покоятся на спине. Вот под порывом шаловливого летнего ветра они волной поднимаются в воздух, открывая спину и два больших, обшитых золотой каймой, разреза на уровне лопаток.

Равена знала, для чего нужны эти прорезы на спине, и это знание заставило ее улыбнуться на бегу. Она хотела увидеть. Больше всего на свете она любила смотреть на них – на два крыла с черным, как ночь, оперением. Не существовало для нее ничего волшебнее в этом мире.

Услышав ее крик, Натаниэль обернулся. Его прекрасное лицо озарила улыбка.

– Равена!

Когда она подбежала, он подхватил ее на руки и закружил. И девочка смеялась – она хохотала от переполняющей ее радости, и вторили ее смеху звенящие на ветру летние колокольчики.

– Покажи! – попросила она, глядя на Натаниэля горящими от нетерпения глазами. – Ну покажи, ну покажи!!!

Черные глаза улыбнулись девочке.

– Что ж смотри, раз тебе не терпится.

Миг – и прямо перед глазами Равены раскинулись с оглушающим звуком огромные вороны крылья. Они заслонили собой сад, хотя Равене в этот миг показалось, что они заслонили собой весь мир. Глядя в чистую и яркую черноту оперения, она тонула в ней. Если бы у нее спросили, какой цвет она любит больше всего, Равена не задумываясь ответила бы – цвет крыльев Натаниэля. Не было ничего красивее этой незамутненной и пронзительной черноты.

Опустив девочку на землю и спрятав крылья, Натаниэль с нежной улыбкой протянул ей руку. Равена вложила в его тонкую изящную ладонь с длинными пальцами, свою маленькую ручку.

Взгляд девочки остановился на одинаковых золотых колечках – у нее и у него. На выпуклой поверхности было выгравировано символами из древней письменности несколько слов. Единственное, что отличало кольца – это размер.

– Натаниэль, – деловито спросила Равена, – а почему у нас с тобой одинаковые колечки?

Он тихо рассмеялся.

– Ты ведь уже спрашивала, – сказал он со взрослым лукавством во взгляде. – Тебе так нравится слушать мой ответ?

Девочка хитренько захихикала. Натаниэль видел ее маленькое сердце насквозь – когда он снова и снова рассказывал ей об их будущем, она была счастлива. Так счастлива, словно все счастье в этом мире принадлежало ей.

– Эти кольца означают, что мы обручены, – держа ее ладошку в своей руке, сказал он. – Когда ты подрастешь, ты станешь моей женой.

– Нет, скажи, как ты раньше говорил, – состроив огорченную гримаску, попросила Равена. – По-другому.

Нежная улыбка коснулась губ Натаниэля.

– Эти кольца означают, что ты принадлежишь мне, а я принадлежу тебе. Навсегда.

– Значит, ты мой? – жадно спросила девочка, сжав маленькими пальчиками его ладонь.

Равена не знала никого красивее Натаниэля. Она могла бы, наверное, глазеть на него целыми днями – и ей бы ничуть не надоело. Он был самым необыкновенным существом в ее жизни.

Поэтому ей хотелось снова и снова слышать, что он принадлежит ей. Навсегда ее – и ничей больше.

– Помнишь, что означают эти надписи на кольцах? – спросил Натаниэль и, не дожидаясь ее ответа, сказал: – С древнего языка они переводятся, как «Два крыла одной птицы». Наша судьба – это птица. Я – одно крыло. Ты – второе. Поэтому лететь нам суждено – вместе...
▲Открыв глаза, Равена приподнялась на локтях – в окно бил солнечный свет. Свесив ноги с постели, она встала. Прошла к окну и выглянула в сад. Отсюда хорошо было видно ту самую тропинку, которая только что снилась ей. Только Натаниэля на этой тропинке не было.

Сколько лет прошло? Сколько лет уже она видит этот сон? Семь? Восемь? Знает только, что была тогда совсем еще ребенком. Сколько же было Натаниэлю? Наверное, как ей сейчас. Она не видела его с того времени.

Равена посмотрела на кольцо, которое по-прежнему было надето на ее палец. Оно росло вместе с ней, и его нельзя было снять. Зачарованное обручальное кольцо Клана Воронов. Это означало, что она все еще обручена, все еще невеста Натаниэля. Вот только своего жениха она не видела уже много лет – с тех пор, как была ребенком.

Узнает ли она его, если увидит? В своем сне Равена всегда ясно видела лицо Натаниэля, но когда просыпалась – помнила только смутный облик пропавшего суженого. Явь стирала его черты, оставляя в памяти лишь слабую тень. Но все же... Крылья Натаниэля она узнала бы сразу. Их завораживающую красоту и мощь забыть невозможно.

Если бы только раз – всего разочек – она могла увидеть их снова... Равена была бы счастлива. Как тогда – в детстве.

От размышлений ее отвлек стук в дверь ее спальни.

– Эй, засоня! – донесся с той стороны двери знакомый голос Амира. – Хватит спать! Если сейчас же не встанешь, я съем твою порцию мяса!

Равена сделала большие глаза и побежала переодеваться, на ходу громко огрызаясь в надежде, что Амир еще не ушел и стоит за дверью:

– Только попробуй, подлец! Я тебе все штаны до колен укорочу! Так и будешь ходить – у нас все равно нет денег на новые! И пусть над тобой все соседи смеются!

Их семья принадлежала к разорившемуся дворянству, поэтому мясо у них на столе появлялось редко. Земли давно были проданы, всего-то и осталось в полном владении, что этот дом. Который ко всему прочему был в довольно запущенном состоянии – ведь почти всех слуг пришлось распустить еще несколько лет назад. Из мужчин в доме остались только отец и Амир – брат Равены. Брат, впрочем, не родной – приемный сын ее родителей. Но за шесть лет, что они прожили бок о бок, Равена привыкла относиться к нему, как к родному. Этот подлец, конечно, с завидной регулярности доводил ее до белого каления своими выходками, но, с другой стороны, Амир всегда заботился о

ней, как о сестре. Защищал, если кто-то из соседских ребят хотел ее обидеть.

А такое случалось: среди их соседей была так называемая новая знать, разбогатевшие на торговле семьи, купившие себе титул за деньги. Они жили на землях, которые раньше принадлежали родителям Равены, и к обедневшей дворянской семье относились весьма паршиво – насмешки были лишь малой толикой того, что Равене и ее родителям пришлось вынести.

Амир всегда помогал отцу и матери поддерживать этот дом – насколько хватало их общих усилий.

Дом был большой, но это единственное, от чего родители Равены не могли отказаться. Как и Равена. Для нее дом был единственным, что связывало ее с Натаниэлем. Он хранил воспоминания о нем. И наверное, где-то в глубине души, Равена все еще надеялась, что однажды Натаниэль вернется сюда за ней.

Переодевшись, Равена вышла из комнаты – Амира в коридоре уже не было. Подобрав юбки, она спускалась по лестнице и мысленно ругала брата последними словами, как будто надеялась, что ее ругательства его остановят, и он не выполнит свою угрозу съесть ее порцию мяса.

Мясо оказалось на месте. Подумать только – полная тарелка мяса! Равена уплетала его за обе щеки, отгоняя от себя мысли о том, что ради этой божественной телятины ее родители продали в этот раз. Амир сидел напротив Равены и раздражающе ухмылялся. Да-да, она в курсе, что девушка из приличной семьи не должна набрасываться на еду – есть надо медленно и аккуратно. Но в конце концов она в первую очередь голодная девушка, которая мяса не видела уже целых два месяца.

Поэтому плевать на приличия! Тем более что никто, кроме родителей и Амира, ее сейчас не видит.

Даже та прислуга, которая еще осталась в доме – одна горничная и кухарка – сейчас уплетали свои порции мяса на кухне, соответственно им не было никакого дела до того, прилично себя ведет за столом хозяйская дочка или нет.

Когда ее тарелка опустела, Равена наконец обратила внимание, с каким неодобрением смотрит на нее матушка – мясо у нее на тарелке было съедено лишь наполовину.

«Какая трата времени», – с сожалением подумала Равена.

♣Кому нужны эти манеры, когда красоваться ими все равно не перед кем? Впрочем, не только она оказалась такой шустрой – Амир справился с едой еще раньше нее, и в итоге они оба сидели перед пустыми тарелками, но не выходили из-за стола, потому что родители еще

продолжали трапезу.

– Тебе не кажется, дорогой, – обратилась к супругу хозяйка дома, – что кому-то не терпится нас покинуть?

– Я вижу как минимум двоих таких, дорогая, – флегматично ответил отец, так же неторопливо продолжая свой завтрак.

– Наши дети совсем не ценят возможность спокойно позавтракать в уютном семейном кругу, дорогой, – продолжала рассуждать матушка. – Что же нам с ними делать?

Отец закончил тщательно пережевывать очередной кусочек телятины под соусом, сделал глоток вина, и только после этого ответил:

– Отпустить их, дорогая?

– Пожалуй, ты прав, дорогой, – согласилась матушка и, мгновенно изменив интонацию, недовольно велела: – Ох, идите уже! Сил нет смотреть, как вы ерзаете от нетерпения.

Равена и Амир вскочили из-за стола. Амир воскликнул, изображая вежливого сына: «Спасибо, матушка!». Равена подскочила к матери и чмокнула ее в щеку. После чего они оба со смехом вылетели из столовой.

– К реке? – спросил Амир Равену, когда они выбежали из дома.

– К реке! – подхватила весело Равена.

Весна в этом году наконец вошла в полную силу. Она щедро дарила людям теплые солнечные дни.

Она бурлила в крови семнадцатилетней Равены и восемнадцатилетнего Амира.

2. О ВЕЛИКИХ КЛАНАХ

– Этим миром правят Четыре Великих Клана: Клан Воронов, Клан Лисов, Клан Единорогов и Клан Драконов. Драконы – единственный клан, недружелюбный к людям. И не только к людям, но и к остальным трем кланам. Они живут в горах, подальше от всех. Редко простому люду удастся встретить дракона, да и лучше не встречать. Люди-драконы жестоки, не знают жалости к слабым.

Для дракона ценны только жизни их соплеменников. Когда-то давно они истребляли людей просто ради забавы, но остальные кланы сплотились против драконов и смогли приструнить их. Драконы, под угрозой уничтожения своего клана, были вынуждены заключить соглашение с

другими
кланами, дав клятву, что не будут истреблять людей. Но поговаривают, что драконы
до сих пор не
смягчились, они по-прежнему безжалостны и кровожадны, поэтому простым смертным
лучше
держаться от них подальше.

– А другие кланы? Они добрые?

– Добрые? Трудно сказать. По крайней мере, они не жестоки, хоть и ставят себя
выше людей.
Говорят, что самый слабый клан – Единороги. Самый хитрый и богатый – Лисы. Самый
таинственный и многочисленный – Вороны. Именно благодаря своей многочисленности
Вороны
имеют наибольшую власть среди всех.

– А еще поговаривают, – перебил Равену Амир, – что власти Четырех Кланов скоро
придет конец,
потому что в последние годы они теряют свою силу. И в конце концов, либо все они
вымрут, как
легендарный исчезнувший Пятый Клан, либо власть возьмет в свои руки один клан –
тот, который
окажется самым сильным. И тогда людям придется совсем туго, потому что, если
победителю не
будет нужды считаться с кланами-соперниками, то уж конечно не нужно будет
считаться и с
людьми, ведь люди слабы.

Несколько пар детских глаз посмотрело на него с любопытством и испугом
одновременно, после
чего все взгляды малышей вновь вернулись к Равене, мол, это правда или неправда?

Детвора из бедных семей часто собиралась в теплую погоду у реки – у бедняков
было не так много
развлечений. Они любили слушать рассказы Равены, а она любила собирать их возле
себя, и
наблюдать, как эти крохи внимают каждому ее слову.

– Впервые такое слышу, – хмуро заявила она Амиру. – Ты откуда взял этот слух?

– Да так, – отмахнулся с широкой улыбкой тот, откидываясь на траву. Положив руки
под голову и
засунув в рот стебелек, добавил: – На базаре всякие слухи ходят – там ведь
бывают торговцы со
всех концов света. Если походить между людей, можно разговорить одного, другого
– этот народ с
охотой расскажет все, что по пути приходилось слышать.

Равена хмыкнула.

– Чуть рассказывают. Четыре Клана были всегда. С чего бы им теперь силу терять?

– Так ведь легенда о Пятом Клане тоже не выдумка, – возразил Амир. – Он
существовал на самом

деле. И вымер на самом деле.

Маленькая замухрышка Лини, дочка трубочиста, подергала его за штанину.

– А какой он был, этот Пятый Клан? Расскажи! Ну расскажи!

Детвора рядом заканючила в унисон – им всем было интересно.

– Ну ладно, – сказал Амир, и в зеленых глазах его заиграли лукавые всполохи – рад был, что отобрал у Равены внимание детворы; Равена за это одарила его недовольным взглядом. – Значит, Пятый Клан... Легенда утверждает, что это был Клан Сапфиров. Люди этого клана владели удивительной силой – магией возрождения. Одного их прикосновения хватало, чтобы возродить к жизни погибающее растение или мелкое животное. Они могли вдохнуть жизнь даже в умирающего человека или дракона на его последнем вздохе, но в таком случае отдавали много своей жизненной силы и укорачивали собственную жизнь. Говорят, когда-то Четыре Великих Клана уже находились в шаге от вымирания – они слабели, теряли свои силы и свою власть. Но тогда их спасли женщины из Клана Сапфиров.

– Как? Как?! – заголосили дети.

– Женщина Клана Сапфиров должна была отдать главе другого клана свое сердце и... – Амир многозначительно кашлянул и добавил: – кое-что еще. Таким образом, через главу весь клан получал возрождающую силу Клана Сапфиров.

– А почему они вымерли? – спросил малыш Яни, попутно ковыряясь в носу.

– Клан Сапфиров? – переспросил Амир и, не дожидаясь ответа, сказал: – Ну, кто знает? Считается, что они слишком щедро раздаривали свою магию возрождения, и в конце концов это истощило их клан. Все, что они имели, все свои силы, они отдавали другим. И в итоге от них самих ничего не осталось.

– Жа-а-алко их, – протянула сочувственно маленькая Лини.

– Ну вообще-то, – сказал вдруг Амир, – некоторые считают, что Клан Сапфиров не исчез бесследно. Вроде как, иногда возрождающая магия Сапфиров пробуждается в их потомках, которые давно растворились среди простых людей. Кто его знает, может, так и есть.

– А почему их называли Сапфирами? – спросила другая девочка. – Сапфиры – это же такие

красивые синие камешки? Я на тете одной видела такие в сережках, а папа сказал, что это дорогие камешки, их только богатые носят.

Амир зевнул.

«Быстро, однако, малыши его утомили расспросами», – подумала Равена не без превосходства.

– А это потому что по легенде, – сказал Амир, – каждый раз, когда кто-то из Клана Сапфиров отдавал свою силу для воскрешения, использованная магия принимала форму тех самых синих камешков – сапфиров.

– Получается, – задумчиво возведя глаза к голубому небу, рассуждала вслух Равена, – ходили люди-сапфиры по земле, возрождали к жизни умирающих, оборачивали вспять увядание и... одновременно рассыпали вокруг себя драгоценные камни?

– Вот-вот, – поддержал с неодобрением Амир, – мало того, что отдавали свои силы на воскрешение кого попало, так еще и на создание драгоценных камней магию тратили. Бестолковый был клан, ей-богу! Вот только, – добавил он вдруг, устремив мечтательный взгляд к голубому небу, – говорят, что женщины Клана Сапфиров были удивительно хороши собой: темноволосые, белокожие и синеглазые. Встретить бы такую..

– Тебя только это и интересует? – Равена покосилась на него с осуждением.

Амир в ответ только ухмыльнулся.

– На нашу Равену похоже, – сказал Яни, по-прежнему продолжая ковыряться в носу. ♣– Ну-у-у, – протянул Амир. – Волосы-то у нее темные, да и кожа светлая. А вот глаза... Цвет голубиных крыльев? – Попытался дать определение Амир. – Цвет грязных голубиных крыльев? Цвет крыльев сизого голубя, искупавшегося в грязной луже?

Детвора хохотала, понимая, что Амир потешается над Равеной, сама же Равена буравила брата теми самыми глазами цвета грязных голубиных крыльев, и едва сдерживалась, чтобы не пнуть его за наглость. Глаза у нее и впрямь были не самого красивого оттенка. По правде сказать, довольно некрасивого – темно-серые, как размытая после дождя земля на дорогах. Но Амиру уж точно не стоило над ними смеяться! В конце концов, внешность дается людям при рождении – с этим уж ничего не поделаешь.

– А разве Амиру нравятся такие, как женщины-сапфиры? – удивился малыш Яни. – А мы думали, тебе нравятся смуглые черноглазые силийки.

– М-м? – заинтересовалась тотчас Равена, заметив, как напрягся рядом Амир. – А почему это вы так думали?

– А потому что мы вчера в городе видели, – с готовностью бросилась рассказывать звенящим тоненьким голоском Лины, – как Амир с силийкой в переулке...

– Ах, вы мелкотня пронырливая! А ну кыш отсюда! – вдруг подскочив, заорал Амир, и детвора тотчас с визгом бросилась в рассыпную.

Брат Равены какое-то время гнался за ними, но, видимо, только для устрашения, потому что догонять не стал – почти сразу вернулся.

– Интересно-то как, – протянула Равена, искривив губы. – Чем это ты занимался в переулке со смуглой черноглазой силийкой?

Амир на ходу поиграл бровями и присел возле сестры на корточки.

– Тебе рассказать?

Равена выставила руку вперед и, задрав гордо подбородок, отвернулась:

– Лучше молчи. Не хочу знать о твоих похождениях.

Она чувствовала, что брат продолжает смотреть на нее с улыбкой, чуть склонив голову, и невольно повернулась.

Амир был красив. Но в отличие, к примеру, от Натаниэля, утонченного и благородного, каким его помнила Равена, – красотой грубой и дикой. Она знала, что брат нравится женщинам. Знала, что он был не из святош. Но предпочитала не касаться этой темы. Учитывая дерзкий и авантюрный нрав Амира, Равена подозревала, что, дойди истории о его похождениях до родителей, и мать, и отец со стыда бы сгорели. Впрочем, нужно отдать Амиру должное: если он и пускался во все тяжкие, то умудрялся делать так, чтобы это не затрагивало его семью.

– А что ты там не договорил? – спросила Равена. – Что еще для возрождения клана, кроме своего сердца, должна была отдать его главе женщина-сапфир? Что это за... «кое-что»?

Амир глянул на нее с хитрящей улыбкой. Потом наклонился к самому уху и прошептал два простых

коротких слова. После чего, оставив Равену с открытым ртом, подскочил с земли и бросился к реке.

– А! – придя в себя, гневно воскликнула Равена ему вслед. – Развратник!

Амир захохотал и на бегу начал сбрасывать с себя одежду, пока не разделся донага. Равена вспыхнула и отвернулась, почти одновременно услышав громкий всплеск – ее брат нырнул в реку.

– Нет, ну как есть развратник, – пробормотала себе под нос она. – Хоть бы меня постеснялся. И к тому же... Только первое тепло пришло, вода же холодная еще... Не заболел бы, бестолковщина.

Ребятня не возвращалась, и Амир после купания предложил Равене пойти в город. На базаре в эту пору года заморские купцы торговали экзотическими плодами, которые назывались шими – темно-синие, иногда фиолетовые, по форме напоминающие тыковки, которые легко вмещались даже на детской ладони. В последний раз Равена пробовала эти плоды года четыре назад, когда их семья еще не настолько обнищала. Они были мягкие, сочные и сладкие – той особой сладостью, какой не найдешь в их родных краях, которую попробовав однажды, будешь вспоминать еще долго. Когда Амир сказал, что угостит ее шими, Равена, конечно, не поверила – откуда у брата такие деньги? Но все равно составила ему компанию – домой в такой солнечный день совсем не хотелось.

– Слушай, а если это правда, – спросила она, когда, миновав мельницу, они вышли к Бриестскому мосту, – ну, о том, что Великие Клань угасают, – то кто же их в этот раз спасет, если Клан Сапфиров давно исчез? Что с ними будет?

– О, да ты поверила в то, что я рассказывал? – дразня сестру, поиграл бровями Амир.

– А это была неправда? Ты сочинял?! – возмутилась Равена.

Амир резко остановился, повернулся к сестре и, обеими руками сжав ее плечи, воскликнул с негодованием оскорбленной невинности:

– Конечно, нет! За кого ты меня держишь?! – И тотчас с дерзкой улыбкой пояснил: – Просто рассказал то, что слышал от других.

Равена скорчила неодобрительную физиономию – что за повадки комедианта?

– Между прочим, – продолжал Амир, отпустив Равену и двинувшись вверх по мосту, –

эти истории
в последнее время среди горожан можно услышать все чаще. Неспроста, наверное.
Никак и впрямь
иссякает сила Четырех Кланов. А что с ними будет?.. Я думаю, останется самый
сильный клан –
Клан Драконов.

Равена, следуя за братом, хмыкнула с сомнением.

– Если уж и останется только один, то это будет Клан Воронов. В конце концов,
это самый
многочисленный клан. К тому же, они такие таинственные, что никто не сможет
сказать, насколько
их много на самом деле. Никто даже не знает, где находится их резиденция.

Она ждала, что Амир высмеет ее и будет доказывать свое, но он долго молчал, и
лицо его было
серьезным, а потом спросил – тоже неожиданно очень серьезно:

– Ты все еще надеешься, что он вернется за тобой?

Равена вспыхнула, потом холодно и строго ответила:

– Ничего подобного. Я давно его не жду.

Амир усмехнулся и воскликнул с насмешкой:

– Либо ты обманщица, малышка Равена, либо глупышка!

Равена набычилась, желая наброситься на брата с кулаками – в конце концов, из
малышки и
глупышки она давно выросла!

– Тебя выбрали в невесты будущему главе Клана Воронов, – продолжал Амир, уже не
насмехаясь,
но по-прежнему с улыбкой на лице; хотя улыбка его показалась Равене неискренней
и даже
недоброй. – Любая для этого не сгодится, значит, они почему-то решили, что ты
особенная. А если
ты особенная...

Амир сделал паузу и для пущего эффекта приподнял многозначительно брови, но
вместо того,
чтобы закончить фразу, посмотрел на Равену так, будто что-то пытался разглядеть
в ней, а потом
сказал:

– Хотел бы я знать, почему старый глава Клана Воронов выбрал тебя в невесты для
своего
наследника.

Равена фыркнула раздраженно.

– Глупости. Ничего во мне особенного нет. Наверное, они это тоже поняли, поэтому

забыли обо
мне и уже почти девять лет не вспоминают.

– Глупости? – вернувшись к своему насмешливому настроению, уточнил Амир. – То есть ты хочешь сказать, что люди-вороны глупы?

Он развел руки в стороны, вновь начиная вести себя как балаганный актер; Равена закатила глаза к небу.

– Что ж, очень даже может быть. Я всегда подозревал, что эти пернатые умом не отличаются.

Равена тяжело вздохнула и неодобрительно покачала головой. Если бы рядом случайно оказался кто-то из Клана Воронов, Амиру бы не поздоровилось.

Ее брат на ходу обернулся.

– Кстати, думаю, что твой жених уже стал действующим главой клана.
▲Равена с интересом и удивлением округлила глаза.

– Откуда ты знаешь?

Амир только пожал плечами и загадочно улыбнулся в ответ:

– Просто предположил.

За мостом открывался вид на улочки Бриеста – города, на который по слухам распространялось влияние того самого Клана Воронов, о чьем недалеком уме только что не таясь вещал Амир.

3. ШИМИ И ГРЕЦКИЙ ОРЕХ

Базар Бриеста расцветал по весне вместе с садами бриестских окраин. В теплое время года сюда начинали съезжаться торговцы со всего света. Большой приморский город радушно принимал заморских гостей.

Приезжали сюда темнокожие силийцы, торгующие винами и оливковым маслом. Любили в Бриесте эфинийцев – гости из Эфинии всегда были одеты в броские цветастые наряды, поэтому жители города приходили на базар хотя бы только для того, чтобы на них поглазеть. Торговали эфинийцы такими же яркими тканями, но позволить себе купить их мог не каждый – только зажиточные горожане.

Но популярнее всех были желтокожие торговцы из Кан-Ри. Приезжали они не каждый год – страна

дальняя, – и привозили с собой диковинные плоды: сушеные, засахаренные и даже свежие.

Загадка, но за недели пути по суше и по морю, плоды Кан-Ри не сгнивали и выглядели так, будто только-только сорваны с дерева. Среди жителей Бриеста бытовало мнение, что за сохранность плодов отвечали канрийские маги – мрачные, молчаливые, а потому крайне загадочные личности, всегда сопровождающие канрийских торговцев.

Шими среди ярких канрийских фруктов – оранжевых, желтых, красных, ядовито-зеленых – казались неприметными. Но все в Бриесте знали, что они-то как раз самые вкусные, и оттого, понятное дело, самые дорогие.

– Не говори ерунды, – сказала Равена, после того, как Амир с трудом оттащил ее от прилавка с пестрыми эфинийскими тканями. – Как ты можешь угостить меня шими? Ты знаешь, сколько стоит фунт шими? Целое состояние. На эти деньги можно купить столько мяса, что его хватит на месяц. – И, усомнившись, на всякий случай добавила: – Если подавать на завтрак не каждый день.

– Ты и впрямь глупышка, Равена, – снисходительно ухмыляясь, сказал Амир; он озирался, словно что-то высматривал. – Я сказал, что угощу тебя шими, но не говорил, что собираюсь транжирить деньги.

Равена озадаченно округлила глаза, не понимая, о чем говорит брат.

– Запомни, – продолжал Амир; его улыбка стала дерзкой. – Этот мир и так принадлежит нам, поэтому все, что мы захотим, – будет нашим.

Порой, как сейчас, замечая в глазах брата неукротимые всполохи, которые выдавали в нем натуру самоуверенную и властную, Равена как будто вспоминала, что Амир ей на самом деле не родной брат. Ведь и она, и ее родители обладали нравом сдержанным и спокойным: держаться особняком, не лезть на рожон, обходиться малым, стерпеть и смолчать, если это возможно – таким простым правилам они следовали всю жизнь. Характер Амира был полной противоположностью: он вмешивался, во что не следовало, лез на рожон, всегда хотел большего и был просто не способен стерпеть и смолчать.

«Этот мир принадлежит нам», – сколько раз она уже слышала от него эти слова?

Когда-то давно, в детстве, они будоражили ее – названный брат казался ей очень

смелым, и вызывал восхищение. Потом пугали – подрастающая Равена слышала в них вызов и боялась, как бы Амир не навлек на их семью какой-нибудь беды. Пусть они были бедны, но в их обедневшем доме царили любовь и уют. Но, по прошествии времени, Равена стала относиться к дерзновенным повадкам брата спокойно – в конце концов, никакого зла от них до сих пор не было.

– Только не говори, что ты успел соблазнить дочку какого-нибудь канрийского торговца и надеешься получить от нее в дар целый фунт шими? – с подозрением покосилась на Амира Равена.

Они проходили мимо прилавков со сладостями – в этой части базара выставляли твои товары лучшие кондитеры Бриеста. Конфетами родители Равены и Амира угощали своих детей давно, поэтому сейчас Равена поедала их глазами – может, хоть так насытится? Хотя, постойте, ее ведь сегодня ждут обещанные Амиром шими!
▲– Ревнуешь? – хитро покосился на нее Амир.

Равена похлопала глазами.

– С чего бы это? – недовольно насупилась она. – Думай, что говоришь – кто будет ревновать брата?

– Брось, – вдруг немного резко произнес Амир. – На самом деле я тебе не брат, и ты это знаешь.

Равена смущенно кашлянула – она вдруг почувствовала себя неуютно под этим необузданным взглядом с огненными всполохами. В последнее время Амир все чаще напоминал ей, что они не родные, и это тоже в какой-то степени тревожило Равену.

– Мы росли вместе, – буркнула она. – Ты всегда будешь для меня братом.

Амир улыбнулся, ущипнул Равену за подбородок и ответил:

– Никогда не говори «всегда». Вдруг придется забирать свои слова обратно? А теперь постой здесь, и не уходи – будь послушной сестрой, глупышка Равена.

С этими словами, Амир оставил ее и двинулся сквозь толпу, ловко лавируя между горожанами. Равена и слова не успела сказать этому негоднику. Подумать только – просто бросил ее одну! Да еще и велел ждать! Откуда столько наглости? Равена посмотрела по сторонам – в нескольких шагах от нее, между крохотным магазинчиком, где продавали свечи и подсвечники, и аптекой,

зияла арка, ведущая в переулок.

Равена снова нашла глазами брата. Она видела, что в том направлении, куда устремился Амир, находились прилавки канрийцев. Амир, однако, не стал к ним приближаться, вместо этого двинулся в сторону. Проходя мимо прилавка, где торговали крупными грецкими орехами, он неловко отшатнулся, якобы пропуская проходящих мимо покупателей, слегка налег на прилавок, но тут же отскочил, смиренно поднимая руки ладонями вперед и улыбаясь толстой торговке одной из своих самых обаятельных улыбок. Торговка окинула с головы до ног статного юношу и, видимо, по достоинству оценив его привлекательную внешность, ответила широкой улыбкой. Амир изобразил низкий поклон, будто просил прощения за свою неуклюжесть, но Равена со своего места видела, как он поднял что-то с брусчатой мостовой площади.

«Орех! – негодовала мысленно Равена, сжав руки в кулаки и беспомощно сотрясая ими в воздухе. – Нарочно задел прилавок, чтобы орехи попадали, а потом украл!»

Она твердо решила высказать брату все, что думает о его поступке, как только он вернется, а пока продолжала пристально наблюдать за ним.

Отойдя от прилавка с грецкими орехами, Амир подозвал кого-то жестом, и Равена увидела подбежавших к нему детей. Она мгновенно узнала их: это была маленькая Лили, дочка трубочиста, и Яни, вечно ковыряющийся в носу. Амир наклонился к детворе и что-то зашептал им. Детвора закивала. Равена видела, как ее брат вложил в одну руку Яни тот самый, подобранный возле прилавка, орех, а в другую что-то покрупнее. Присмотревшись внимательнее, Равена догадалась, что это камень. Его Амир, скорее всего, тоже подобрал где-то поблизости.

«Что он замышляет? – беспокоилась Равена. – На что этот негодник подговаривает малышню?»

Наверное, ей стоило тотчас же отправиться к брату, чтобы уберечь и его, и детей от какой-нибудь шалости, за которую им потом всем влетит. Но Равена с детства привыкла слушаться брата – он был старше, ловчее и всегда лидировал в детских играх, – а потому так и продолжала стоять на месте, как он велел ей.

«Если в этот раз его поймают полицейские, – мстительно думала она, – так ему и надо! Пусть сам выкручивается!»

Но не успела она так подумать, как на ее глазах прямо перед одним из прилавков канрийцев разыгралось настоящее представление.

Малыш Яни картинно рухнул на колени в тот самый момент, когда мимо него проходил низенький дородный господин. Раздался громкий хруст – он долетел даже до ушей Равены, – а следом вопль Яни и крик негодования прохожего:

– Господин, вы толкнули этого ребенка! Посмотрите, у него сломаны оба колена! Вы слышали этот звук?

Равена едва не закричала зубами, потому что негодующим прохожим был не кто иной, как Амир. Яни тем временем истошно голосил, будто испытывал нестерпимую боль. Дородный господин стоял растерянный посреди площади и озирался, не понимая, что происходит, в то время, как стоящие поблизости горожане и торговцы смотрели на него осуждающими взглядами, а несколько человек из самых сердобольных уже накинулись на него с криками и обвинениями.

И только Равена, которая пристально наблюдала за происходящим от начала до конца, видела, как, упав на колени, Яни камнем расплющил о мостовую орех, который прямо перед этим положил рядом. А тотчас вихрем налетевший на несчастную жертву Амир, откинув ногой в сторону разбитую ореховую скорлупу, и незаметным движением подобрал камень, уничтожил все улики.

Но самое худшее произошло дальше. Пока бриестцы гневно отчитывали ни в чем не повинного господина, и причитали над завывающим ребенком, а канрийские торговцы были увлечены разыгравшимся перед их глазами представлением, позабыв про свой товар, малышка Лини вприсядку подкралась к прилавку. Пользуясь шумихой, девочка хватала маленькой ручкой плоды шими и бросала в подол своей юбки. Как только подол был полон, она схватила платье за края и шмыгнула в сторону.

И тут к голосащим бриестцам присоединились громкие лающие крики на чужом языке. Кричали канрийцы – они обнаружили пропажу своего товара. К их прилавками уже спешили бриестские полицейские.

Равена в панике топталась на месте, не зная, что ей делать. Она потеряла из виду Лини – девочка затерялась в толпе людей, снующих между торговыми рядами. Амира и Яни тоже

больше не было
видно – похоже, они сбежали, воспользовавшись суматохой, возникшей из-за приближения полицейских.

Больше всего Равена волновалась за девочку – она даже не сомневалась, что с Амиром все будет в порядке, а Яни с ним. Бессмысленно потоптавшись еще немного, Равена наконец решилась и бросилась в ту сторону, куда должна была побежать Лины, однако, не успела сделать и трех шагов, как ее остановили, схватив за руку. Равена обернулась.

– Амир! – воскликнула она, увидев брата.

– Непослушная малышка Равена, – иронично усмехаясь, сказал Амир, – ты собиралась убежать?

– Где Яни? – встревожилась Равена, не увидев мальчишку вместе с братом.

Амир недоуменно приподнял бровь, словно не понимал, отчего она так беспокоится.

– Не волнуйся так, этот чертенок наверняка уже дома – он живет рядом с площадью.
– И насмешливо добавил: – Видела бы ты, как он убежал – только пятки сверкали.

Равена выдернула запястье из руки брата.

– Как ты мог?! – накинулась она на Амира и, поняв, что кричит слишком громко, понизила голос до яростного шепота: – Ты втянул Лины и Яни в кражу! Они же дети бедняков! Если их поймут – будут прилюдно пороть на Тюремной площади розгами!

– Эй-эй! – подняв руки, словно сдаваясь, успокаивающим тоном произнес Амир, – не надо говорить такие страшные вещи. Не пугай меня. Яни уже дома, Лины наверняка в безопасности, она успела убежать. Мы сговорились встретиться с ней возле разрушенной Сторожевой башни – полиция не будет ее искать там. И между прочим, нам тоже лучше побыстрее уносить отсюда ноги.
Пока ты меня отчитываешь...

Равена не успела узнать, что собирался сказать Амир, потому что рядом раздался крик:

– Этот парень был там! Он один из них, этих воришек, говорю вам, господин полицейский!

Брат и сестра обернулись одновременно – между крайними прилавками стоял тот самый дородный господин, которого Амир обвинил в том, что он травмировал Яни. На клич уже бежали

полицейские.

– Они нарочно разыграли это представление, чтобы совершить кражу! – голосил толстяк. –

Говорю вам, господин полицейский!

– Бежим! – глухо бросил Амир, снова схватил Равену за руку и потянул за собой в сторону арки, ведущей в переулок.

4. БЕЛЯВА

Равена едва поспевала за Амиром. Они бежали узкими улочками Бриеста – почти безлюдными, горожане сейчас собрались на базаре. Дома в этой части города тесно жались друг к другу, едва оставляя пространство для проезда кареты или повозки.

▲Один раз им под ноги бросился рыжий кот, и Амир, сумев вовремя приостановиться, тихо

выругался. Такие ругательства Равена до сих пор слышала только от конюхов и сапожников, но

после целого представления, разыгранного ради кражи, бранные слова из уст приемного сына

дворянской семьи ее уже не удивляли. Она знала, что ее брат способен на всякого рода проделки

ради собственного развлечения, но кража... Равена до сих пор не могла прийти в себя.

Как часто Амир развлекается подобным образом, когда уходит в город без нее? Если родители

узнают, для них это будет ударом.

Завернув в очередной раз за угол, они столкнулись с молодой прачкой. Девушка громко вскрикнула

и выронила из рук корзину – крышка отлетела, и постиранное белье выпало на пыльную брусчатку.

Видимо, крик указал направление преследователям, упустившим беглецов, потому что тотчас же

Равена услышала громкие выкрики на канрийском языке. Амир потянул сестру за руку – и вот они

уже бегут еще быстрее прежнего.

Равена чувствовала, что у нее заплетаются ноги. Поспевать за братом ей было не под силу: мешали

юбки и тесные туфли, которые уже какое-то время назад стали ей немного малы, но купить новые

не было денег.

Равена на бегу вырвала руку.

– Не могу, – задыхаясь, сказала она и припала плечом к стене ближайшего дома. – Не могу

бежать так быстро, как ты.

Голоса канрийцев звучали все громче – погоня была все ближе. Амир нахмурился, словно усиленно пытался решить, что делать, и в этот самый момент из-за угла выехала небольшая крытая повозка: старая кляча в упряжке едва тянула ее, а тощий старик на козлах держал поводья дрожащими от старости руками.

– Сгодится! – снова потянул Равену за собой Амир; ее слабые возражения он не слушал.

Поравнявшись с повозкой, Амир крикнул:

– Эй, старик!

Человек на козлах потянул за поводья, и кляча остановилась.

Амир бросил ему что-то – взгляд Равены едва поспевал за полетом какого-то очень мелкого предмета, – но старик на удивление скоро схватил брошенное в кулак, потом раскрыл ладонь. Глаза его тотчас широко раскрылись и загорелись жадным огнем, будто на него с неба упало сокровище.

– Спрячь ее в повозке! – велел старику Амир.

– Да, господин! – с трепетом опустив дарованный Амиром предмет в кармане, проблеял старик. – Как скажете, господин!

– Быстро! – подтолкнул Равену вперед Амир. – Прячься!

– Амир, что происходит? – Равена больше не была уверена, что задыхается от бега – она была напугана. – Что ты ему дал? И ты уверен, что мы можем спрятаться в этой повозке? Канрийцы скоро будут здесь, а этот старик...

– Помолчи, малышка Равена, – быстро заговорил Амир. – Во-первых, прятаться будем не мы, а ты. Во-вторых, старик тебя не выдаст, а полицейские в эту повозку не сунутся. Ты что, не видела знак на повозке?

– Какой знак? – совсем запуталась Равена, но голоса, кричащие что-то на канрийском языке, прозвучали совсем близко, и Амир, более не став ничего объяснять, поднял Равену вверх и втолкнул в повозку.

Когда полог повозки разделил их, Равена услышала сказанное второпях: «Встретимся у

разрушенной Сторожевой башни», а следом – удаляющийся топот бегущих ног. Почти тот же час повозка тронулась с места.

Под стук колес, бьющихся о брусчатку дороги, Равена услышала хриплый кашель у себя за спиной. Резко обернувшись, она увидела, что в повозке, кроме нее, есть кто-то еще. Укутанная в темную накидку фигура находилась лишь в двух шагах от нее. Равена сидела на дне повозки, а ее невольный спутник – на сбитом из дерева ящике, поэтому девушке пришлось смотреть на него снизу вверх.

Каждый вдох и выдох незнакомца сопровождался сильными хрипами. Это вызывало в Равене смутную тревогу, но задуматься девушка не успела – в этот момент до ее ушей донесся громкий топот нескольких пар бегущих ног. Канрийцы и сопровождающие их полицейские в этот самый момент были совсем рядом!

Наверное, чтобы пропустить их, старик на козлах вынужден был заставить клячу сдвинуться в сторону. Повозку качнуло – полог, скрывающий находившихся в повозке людей, разошелся, и внутрь ворвался дневной свет. Он упал на лицо человека в накидке, и Равена, ахнув, невольно подалась назад.

Всего секунду – она смотрела на это лицо всего секунду, но ей хватило. Белые яблоки глаз, ссохшаяся и потрескавшаяся кожа – бледная, почти обескровленная, похожая на бумагу, такие же обескровленные губы.

Женщина. Старуха. Белява.

Равена много слышала об этой болезни. Говорили, что кровь тех, кто заразился ею, становилась бесцветной, как вода, и негодной. Сначала белели глаза, кожа и волосы, потом начинали сгнивать внутренности. Вот о каком знаке говорил Амир! Каждый, кто перевозил белявых, должен был поставить на повозке специальный знак – белый круг. Его обычно рисовали от руки мелом. И на этой повозке он наверняка был – Равена просто не заметила.

Она готова была убить Амира. Пусть он знал, что Равена и ее родители относились к тем счастливицам, для которых эта болезнь была не страшна – когда-то отец и мать Равены, будучи совсем молодыми, во время эпидемии беявы помогали врачевателям в приюте для зараженных, и болезнь не тронула их, а в Равене текла их кровь, – но даже несмотря на это...

Страшно. Страшно
от хрипов старухи всего в двух шагах, от ее бесцветных глаз, от обескровленной
кожи.

«Я убью тебя, Амир!» – мысленно пообещала себе Равена.

В одном он был прав – никто в своем уме не сунется в эту повозку.

Как только топот преследователей стих где-то на соседней улице, Равена
потянулась к пологу,
собираясь откинуть его и выпрыгнуть на мостовую, как вдруг кто-то схватил ее за
руку.

Обернулась и вскрикнула Равена одновременно. Не удивилась, когда увидела, что за
руку ее держит
белоглазая старуха, но от страха сердце ушло в пятки, а воздух камнем застрял в
горле. Равена
попыталась вырваться, но старческая рука, обтянутая потрескавшейся белой кожей
держала ее
мертвой хваткой.

– Отпустите, – глухо, едва слыша свой собственный дрожащий голос, попросила
Равена.

– До этой проклятой болезни я была гадалкой, – прохрипела ей в лицо старуха. –
Хорошей
гадалкой. Людям правду пророчила, а они мне за правду платили. Хорошо платили.

– Пусти... те, – едва выдавила из себя Равена, с трудом сдерживаясь, чтобы не
завопить от ужаса,
но канрийцы все еще могли ее услышать.

– А теперь ко мне никто не подойдет, – продолжала старуха. – Никто не попросит
погадать на
судьбу. Но тебе, дитя, я, так уж и быть, даром твою судьбу расскажу.

– Пожалуйста, отпу... – от отвращения слова застряли в гортани Равены, когда
покрытое
множеством трещин белое лицо с бескровными губами придвинулось к ней совсем
близко, а пустые
глаза как будто заглянули прямо ей в душу.

– Трижды ты познаешь предательство, – просипела старуха. – Трижды предашь сама.
Но только
один простит тебя. Только одного простишь ты. Много будет боли в твоей жизни.
Много страданий.
Закроешь ты свое сердце. Но кого впустишь в него снова – того вмиг потеряешь.

Сухая и шершавая рука старухи ослабила хватку, и Равена, не став медлить,
вырвалась. Часто дыша
от испуга, перекинулась через край повозки и мешком с картошкой упала на
мостовую. Локти и
колени вспыхнули болью, но Равена, не обращая на это внимания, поднялась на ноги
и обернулась,

словно боялась, что старуха будет ее преследовать.

– Передайте нашу благодарность молодому господину, юная госпожа! – крикнул со своего места на козлах старик, словно спиной даже через повозку видел, что девушка выпрыгнула. – Золотой нирах! Целый золотой нирах!

Не став вникать в смысл его слов, Равена подобрала платье, чтобы удобнее было бежать, и поспешила к разрушенной Сторожевой башне, где должна была ждать малышка Лина.

5. ЛИНИ

▲Спрятав Равену, Амир увел погоню за собой, и тем самым дал сестре возможность убежать. Упускать этот шанс Равена не собиралась.

Она догадывалась, что Амир не остался вместе с ней не только из благородных побуждений. В отличие от нее, он, скорее всего, не знал и не мог знать, опасна для него белява или нет. А в таком случае, уж конечно, разъяренные канрийцы и полицейские предпочтительнее неизлечимой заразы.

«Золотой нирах! Целый золотой нирах!», – вспомнилось ей ликование старика.

Сразу она не придавала значения услышанному – могла думать только о том, как быстрее убежать от пугающей ее старухи-гадалки, от белявы, пусть даже эта хворь не могла навредить ей, и, конечно, от погони. Но сейчас, когда в тишине бриестских улочек она торопилась на условленное место встречи, Равена задумалась. Она не знала, что означает слово «нирах», хотя оно казалось знакомым – будто когда-то прежде уже встречалось ей, но забылось. Однако в отношении слова «золотой» нельзя было ошибиться.

Речь шла о золотых монетах. Откуда? Откуда у Амира золото? Которое, к тому же, было в ходу в другой стране. Все-таки «нирах» – явно иноземное слово.

«Чем больше я повторяю его, – думала Равена, выходя на широкую улицу, где на нее сразу набросился людской гомон, цокот лошадиных копыт и стук колес проезжающих мимо карет, – тем сильнее уверенность, что где-то оно мне уже попадалось».

Но почти сразу ее мысли вернулись к монете.

«Неужели он украл ее у кого-то?» – беспокоилась Равена.

Что еще она могла думать после увиденного на базаре?

Миновав цирюльню и книжную лавку, Равена вздрогнула от громкого выкрика поблизости, но, поняв, что это был всего лишь разносчик газет, а не полиция, выдохнула. Решив, что долго задерживаться на людной улице не стоит, Равена снова свернула в переулок – до башни можно было дойти разными путями, и лучше выбрать тот, где меньше людей.

Бедные родители, думала на ходу Равена. Что бы они сказали, если бы знали, что их дочь сейчас убегает от полицейских? Она уже мысленно представила себе осуждение в глазах матери и хмурое разочарованное лицо отца, словно в наказание не достаивающего дочь даже взгляда.

Нет уж, твердо сказала себе Равена, лучше им об этом не знать. И лучше бы Амиру не попасться в руки полиции. А если все обойдется, она обязательно заставит брата пообещать, что он больше не будет устраивать такие проделки, и уж конечно, не станет втягивать в них детей бедняков.

До старой башни Равена добралась без приключений. Когда над домами показался сохранившийся осколок верхней части башенной стены, она ускорила шаг.

«Надеюсь, Лины не поймали», – тревожилась Равена.

Обойдя башню и увидев девочку – Лину сидела, прислонившись спиной к стене, – Равена в первый момент обрадовалась и облегченно выдохнула.

– Лины! – негромко позвала она, но девочка почему-то не повернулась на зов – словно не услышала ее.

Внутри Равены шевельнулось смутное беспокойство. Подняв повыше юбки, Равена подбежала к девочке, но стоило ей увидеть личико ребенка, как она резко остановилась.

– Лины?

Малышка выглядела так, будто спит: глаза закрыты, тело расслаблено. И Равена бы, наверное, так и решила, что девочка в ожидании просто заснула, если бы не рассыпавшиеся из подола плоды шими, безвольно лежащие по бокам ладонками вверх руки и странное темное пятно на лбу в обрамлении кудрявых светлых прядей.

Сделав неуверенный шаг вперед, Равена присмотрелась получше – темное пятно имело форму серпа, повернутого острыми краями вверх.

Лини сама нарисовала этот знак у себя на лбу? Нет, она не могла – слишком ровные линии,
слишком идеальный рисунок.

– Лини? – снова позвала Равена.

Наклонившись над девочкой, она осторожно пошевелила ее плечо.

▲– Просыпайся, Лини.

Девочка никак не отреагировала. Равена, словно зачарованная рисунком на лбу малышки,
потянулась к нему, но пальцы ее замерли на полпути, когда за спиной раздался голос:

– Канрийские маги.

Обернувшись, Равена увидела Амира. Волосы растрепаны, на жилетке и рукавах рубашки грязные
пятна – похоже, ему пришлось прятаться от полиции в каком-то очень пыльном месте.

Амир смотрел на Лини.

– Говорят, канрийские маги несколько веков назад выкрали секреты магии у драконов, и в придачу
к ней получили беспощадность драконьего клана.

– Что? – растерялась Равена. – О чем ты... говоришь?

Зеленые глаза Амира остановились на ее лице.

– Я говорю, что канрийские маги очень жестоки. Они не знают жалости. Точно так же, как и люди
из Клана Драконов.

Равена тяжело задыхалась от нехорошего предчувствия. Слова Амира насторожили ее. Он как будто
пытался сказать ей что-то. Однако она была уверена, что не хочет этого слышать.

– Нам надо разбудить Лини, – сказала Равена, вновь поворачиваясь к девочке.

Снова потрясла малышку за плечо, но и в этот раз тщетно.

– Она не просыпается, – сказала взволнованно. – Амир, почему она не просыпается?

Брат вдруг оказался рядом и взял ее за руку, чуть потянув назад – будто не хотел, чтобы Равена
приближалась к ребенку.

– Она не проснется, Равена. Видишь этот знак у нее на лбу? Полумесяц. Тех, кто испытал на себе
магию канрийцев, всегда находят с таким полумесяцем на теле. Говорят, что канрийские маги и
сами не очень-то рады, что на их жертвах остается эта отметина, но ничего не

могут поделаться с
этим – магия драконов оставляет ее сама.

– Постой... – Дышать Равене стало тяжелее – тревога сдавливала грудь. – Я не понимаю... Амир,
я не понимаю. Почему Лини не просыпается?

Амир какое-то время смотрел на Равену пристально, даже не мигая, будто не хотел отпустить ее
взгляд. Его рука зачем-то крепче сжала ее руку.

– Потому что Лини повстречалась с канрийскими магами. Она больше не проснется.

Равена широко раскрыла глаза. Что он говорит? Лини мертва? Но это неправда!
Выдернув руку,
Равена посмотрела на брата с негодованием.

– Что ты такое говоришь? Она дышит! Смотри!

Она присела на колени перед Лини. Грудь девочки тихонько поднималась и опускалась.

– Видишь?!

Амир посмотрел на сестру с жалостью.

– Да, – понизив голос, глухо произнес он. – Она пока еще дышит. Но ее уже не спасти.

У Равены задрожали губы, а глаза наполнились горячей влагой.

Разбросанные под ногами плоды шими. Безвольные руки ладонками вверх – на них фиолетовые
пятна от сока заморских фруктов. Спящее лицо девочки. Темный силуэт перевернутого полумесяца
на ее лбу в облаке светлых прядей.

Всего лишь глупая кража...

– Это ты виноват, – прошептала Равена, не сдержав слезы, которые тотчас обожгли ей щеки. –

Это все ты виноват... Кому нужны эти шими?

Амир опустил рядом с ней на одно колено и тыльной стороной пальцев нежно провел по ее щеке,
вынуждая Равену посмотреть на него. Его взгляд выражал что-то такое, чего Равена прямо сейчас
▲ не желала понимать.

– Я хотел порадовать тебя, малышка Равена, – заглядывая ей прямо в глаза, произнес Амир. –

Ведь ты достойна большего, чем эта нищета. У тебя должно быть все, что ты захочешь.

Он сказал это так просто, будто и не было рядом умирающей девочки. Чувства Равены пришли в смятение. Она вдруг испугалась. С каких пор Амир стал смотреть на нее так, как сейчас? И почему она этого не замечала?

– Нам надо уходить, – вставая, Амир потянул за собой Равену. – Канрийцы могут вернуться.

Как будто в каком-то помрачении Равена, ведомая братом, сделала два шага, но потом, придя в себя, вырвалась.

– Нет! – отчаянно возразила она. – Нужно помочь Лини – отнести ее к врачевателям!

– Равена...

– Это мы виноваты, – не дала ему договорить Равена; она не хотела больше обвинять Амира, потому что понимала: он и предположить не мог, чем обернется его несомненно дерзкий, но не злой поступок. – Я должна была тебя остановить. Если бы я это сделала, с Лини все было бы хорошо. Я сама понесу ее.

Присев рядом с девочкой, Равена осторожно просунула руки ей под мышки и попыталась поднять. Малышка Лини оказалась неожиданно тяжелой для нее, но Равена не сдавалась. Тяжело дыша, она сделала еще одну попытку поднять девочку, но вместо этого позволила безвольному телу Лини потянуть ее вниз, и чуть не упала на нее сверху.

– Помоги мне, – дрожащим голосом попросила она Амира.

– Равена...

Не сдержавшись, Равена заплакала, продолжая обнимать Лини. Еще утром эта малышка смотрела на нее широко раскрытыми от любопытства глазами, слушая истории о Четырех Кланах. Смеялась вместе с другими детьми, убегая от разъяренного в шутку Амира... Почему он не понимает, что она не может бросить Лини? Даже если заклинания канрийских магов необратимы... Девочка ведь еще дышит!

Равена вмиг перестала плакать – она вдруг почувствовала, что дыхание Лини стало ослабевать.

Амир был прав, осознала Равена, каждый вдох малышки может стать последним.

Прижав к себе покрепче детское тельце, Равена заплакала еще сильнее. В этот миг ей казалось, что

она готова поделиться своим собственным дыханием, лишь бы только этот ребенок не умер у нее на руках. Как же так? Всего лишь глупая кража... Ведь это была всего лишь глупая кража! Никогда, никогда она не сможет себе этого простить.

«Пожалуйста, – умоляла она мысленно девочку, словно та могла ее услышать. – Не умирай! Только живи! Прошу тебя, только живи!»

До ушей Равены донесся тонкий звук – будто совсем рядом на брусчатку упал маленький камешек. Ей показалось, что в этот миг все другие звуки исчезли. И почти тот же час она ясно почувствовала, что девочка в ее объятьях сделала глубокий вдох.

– Лини! – воскликнула Равена, отстраняя от себя ребенка и вглядываясь ей в лицо.

Она потрясенно ахнула, заметив, что темное пятно в виде серпа на лбу девочки словно бы стало таять, пока совсем не исчезло. Лини коротко простонала и чуть приоткрыла веки.

– Ах! – облегченно и одновременно обрадовано засмеялась Равена и снова крепко обняла девочку. – Ты просто спала! Ты так напугала меня, Лини!

– Амир! – оглядываясь на брата, ликовала Равена. – Видишь? Ты ошибся, Лини просто спала! Канрийцы наложили на нее сонное заклинание – вот и все!

Лини в ее руках вдруг заерзала и, всхлипывая, стала издавать ноющие звуки.

– Лини, что с тобой? – попыталась заглянуть в лицо девочки Равена, но внезапно увидев ужас в глазах ребенка, не на шутку растерялась.

Девочка начала вырываться из ее рук.

– Лини, не бойся. Уже все в порядке. Все хорошо, – успокаивая девочку, Равена снова попыталась прижать ее к себе, но малышка вдруг завизжала и, резко оттолкнув Равену, вырвалась.

В первый момент она упала, но, вновь высвободившись из рук Равены, которая хотела помочь ей подняться, почти сразу вскочила на ноги и с криками бросилась прочь.

– Лини! – хотела бежать следом за ней Равена, но, сделав всего пару шагов, почувствовала странную слабость в коленях, и остановилась.

Поворачиваясь к Амиру, заметила, как брат поднял что-то с брусчатки. Яркая и короткая вспышка ударила в воспаленные от слез глаза Равены, и, почувствовав резкую боль, она на

миг зажмурилась.

А когда вновь раскрыла веки, Амир уже вынимал руку из кармана.

«Что он спрятал там?» – подумала Равена, но вслух спросила совсем другое:

– Амир, почему Лины смотрела на меня с таким ужасом? Я не хотела напугать ее...

– Тихо-тихо, малышка Равена. – Успокаивая, Амир убрал растрепавшиеся пряди с ее лица. – Она испугалась не тебя. Скорее всего, она даже не узнала нас с тобой, думала, что канрийские маги все еще здесь.

Равена бросила взгляд через плечо – в ту сторону, куда убежала Лины.

– Наверное, ты прав, – сказала она, поворачиваясь обратно, и тут почувствовала, как перед глазами стало темно-темно, будто кто-то накинул на солнце толстое покрывало.

Равена почему-то перестала чувствовать собственные ноги и землю под ними. Она пошатнулась и наверняка упала бы, если бы Амир не удержал ее в крепких объятьях.

– Ты слишком много отдала, малышка Равена, – то ли с укором, то ли с сочувствием глухо произнес он над ее ухом, а в следующий момент Равена почувствовала, как Амир подхватил ее на руки.

Она смутно осознавала, как собственное тело становится каким-то чужим, как все звуки тонут в тихом гуле, так похожем на шум моря, как темнеет мир вокруг нее. Остался только голос Амира, прошептавший с заботой и лаской, какой она прежде никогда не от него не слышала:

– Никто в этом мире не стоит твоих слез, глупышка Равена. Только я могу заставлять тебя плакать. Ты забыла?

Равена помнила. Даже в этот момент, падая в темноту, где не было совсем ничего, она помнила...

Кажется, ей тогда было одиннадцать. Амир появился в их доме не так давно, и Равена поначалу невзлюбила его. Ее родители привели в дом чужого мальчика и называли его своим сыном. Тогда она еще очень скучала по Натаниэлю, который не появлялся в их доме уже почти два года, а тут еще внимание мамы и отца доставалось кому-то, помимо нее.

Амира ее недоброжелательность обижала, и поэтому он никогда не упускал случая досадить ей.

Обманом уговорил ее нарвать листья крапивы – руки Равены тогда покрылись волдырями, она

плакала от ужасной боли. Нарочно пролил ей на платье чернила во время домашнего урока правописания. Платье было безнадежно испорчено, а их семья уже тогда была стеснена в средствах, и обновками Равену баловали редко – на новое можно было надеяться нескоро.

А однажды он подложил ей прямо в постель живую рыбешку. Она была мелкая, но изгибалась под одеялом всем телом и била хвостом. Проснувшись и обнаружив ее, Равена визжала так, что на крик примчались и родители, и слуги. В комнате потом очень долго стоял запах рыбы.

Но однажды к ним с визитом приехал богатый господин из новых дворян. С ним был его сын. Пока взрослые что-то обсуждали в гостиной, детей оставили в детской комнате вместе. Мальчик вел себя высокомерно и, посмеявшись над простым платьем Равены, сказал, что скоро и она, и ее родители должны будут убраться из этого дома, потому что его отец решил купить эту землю.

Равена так испугалась, поверив в слова этого злобного мальчишки, что расплакалась прямо перед ним и Амиром. А Амир неожиданно заявил, что только рад будет уйти из этого дома, потому что здесь живет привидение. Сын богача ему, конечно, не поверил, но Амир уже тогда умел убедительно обманывать.

Гости остались в их доме на ночь. В полночь, прихватив с собой Равену, Амир обрядился в белую простыню и в темноте набросился на мальчишку, когда тот спал в своей постели. Мальчишка спросонок перепугался так, что обмочился прямо в постель и долго визжал на весь дом.

Амир был доволен мстью и строго сказал Равене, что она никому не должна позволять доводить ее до слез. Равена заметила ему, что он тоже все время доводит ее до слез. А Амир тогда ответил:
▲«Значит, с этих пор ты будешь плакать только из-за меня, и больше не из-за кого, поняла? Обещай».
И Равена пообещала.

Тогда она даже не догадывалась, насколько пророческим станет ее обещание.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/obruchennaya-s-voronom-b135496>